

УДК 81(07)

Яковлева А.М.*Московский государственный областной гуманитарный институт***КОНЦЕПТОСФЕРА «КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ»
В ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ
ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК**

Аннотация. В статье рассматриваются базовые понятия лингвокультурологии и философии языка: *картина мира, концептосфера, концепт*. В исследовании представлена концептосфера «кондитерские изделия», которая входит в более широкую концептосферу – «еда». Приведены пословицы и поговорки, в которых употребляется лексика концептосферы «кондитерские изделия». Собранный языковой материал, анализируемый в статье, передаёт своеобразие английского менталитета, так как номинации концептосферы становятся источником метафористики и аллегорий.

Ключевые слова: картина мира, концептосфера, концепт, лексема, пословицы, поговорки, кондитерские изделия.

A. Iakovleva*Moscow State Regional Institute of Humanities***CONCEPT SPHERE “CONFECTIONARY AND PASTRY” IN APPRAISAL
SEMANTICS OF ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS**

Abstract. Basic notions of linguo-culturology and language philosophy such as *picture of the world, concept sphere and concept* are discussed in the article. The research presents the concept sphere “confectionary and pastry”, which is a part of a wider concept sphere “food”. Proverbs and sayings which include the vocabulary of this concept sphere are analysed. The presented material shows the characteristic features of English mentality because the nominations of the concept sphere are the source of metaphoric images and allegories.

Key words: picture of the world, concept sphere, concept, lexeme, proverbs, sayings, confectionary and pastry.

В данной статье мы рассматриваем периферию лексики концептосферы «кондитерские изделия», которая раскрывает основные когнитивные особенности исследуемой области языка. Наша задача состоит в анализе семантики и систематизации лексических единиц, входящих в состав пословиц и поговорок изучаемой концептосферы.

Понятия *концептосферы* и *концепта* являются ключевыми для когнитивной лингвистики. Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е., в конечном счёте, и на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [6, с. 117].

© Яковлева А.М., 2015.

В данном исследовании мы опираемся на теорию М.Я. Блоха, который определил *концепт* как выделенное сознанием знание о некотором предмете (то есть предмете мысли, составляющем элемент бытия – действительного или воображаемого). Термин «картина мира» М.Я. Блох рассматривает как метафорическое обозначение отражения сознанием действительности. И поскольку каждый элемент может стать предметом концепта, постольку картину мира можно определить как совокупность концептов [4, с. 101].

Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения [7].

Несмотря на афористическую краткость и оформленность в виде отдельного предложения, пословица является семантически многозначным высказыванием. В соответствии с теорией М.Я. Блоха пословица является диктемой, то есть она выражает существенные знаковые функции текста-дискурса: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию [3, с. 32]. Пословица как диктема предполагает связь с определённой концептосферой. Для настоящего исследования такой концептосферой являются *кондитерские изделия*.

Обычно пословица не имеет определённого автора или литературного источника, являясь результатом народного творчества; это свойство отличает пословицу от книжного афоризма. Исходя из указанных признаков, пословицу можно осмыслить как народное оценочное высказывание-клише

нравоучительной семантики [11, с. 27]. Закономерно предположить, что такая оценочная семантика может выражаться и через лексику, связанную с *кондитерскими изделиями*, так как они обладают богатым комплексом ассоциативных значений.

С одной стороны, жанр пословицы глубоко национален, с другой – интернационален. Несмотря на ментальность и присущие определённому народу традиции и обычаи, общими для всех людей оказываются идеи добра и мира, уважение к хорошим человеческим качествам и порицание пороков. Пословицы как лексические единицы обладают и положительной, и отрицательной коннотацией [11, с. 34]. Образность и семантика, характерная для пословицы, распространяется также на поговорки и другие близкие им по типу метафорические выражения.

В отличие от пословицы, *поговорка* – краткое устойчивое, обычно образное выражение, метко определяющее какое-либо явление из жизни и не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания [7]. Поговорка всегда одночленна, представляет собой лишь часть суждения и обычно лишена обобщающего поучительного смысла.

Укоренённость пословиц и поговорок в национальной культуре приводит к специфике их перевода. Устойчивое выражение определённого языка не переводится, а заменяется близким по смыслу эквивалентом. Однако сопоставление этих эквивалентов позволяет увидеть своеобразие языкового проявления национального языкового сознания. С другой стороны, в конкретной системе восприятия мира сохраняется универсальность самой

концептосферы, позволяющей находить эквиваленты выражений.

Кондитерские изделия – это специально изготовленная пища, которая употребляется в качестве дополнения к основной (жизненно необходимой) пище, доставляющая приятные вкусовые ощущения. Лексика, связанная с концептосферой «кондитерские изделия», формирует в языке богатейшую область переносных значений. Они выражают семантику фундаментальных понятий человеческого бытия: *жизнь, труд, деньги, отношения между людьми*, описание *личностных качеств человека*.

Вкусовой эпитет «сладкий» для анализируемой концептосферы является репрезентативным. Одним из ярких примеров пословиц с лексемой *sweet – сладкий* является восходящее к Библии выражение *forbidden fruit is sweetest* – «запретный плод сладок» (Быт. 3: 1–12) [2], то есть привлекательно всегда то, что недоступно, не дозволено и запрещено.

В английском языке существуют несколько пословиц, которые мы можем интерпретировать как «запретный плод сладок»; ср.: *Forbidden fruit is sweet* – «запретный плод сладок» [10]; *Stolen apples are sweetest* – «украденные яблоки самые сладкие» [1]; *Stolen cherries are the sweeter* – «украденные вишни слаще» [1]; *Stolen fruit is always sweeter* – «украденный фрукт всегда слаще» [1]; *Stolen kisses are sweet* – «украденный поцелуй – сладок» [1]; *Stolen pleasures are sweetest* – «украденные удовольствия самые сладкие» [1]; тавтологически усиленное выражение *Stolen sweets are sweeter* – «украденные сладости слаще» [1]; *Stolen waters are sweet* – «украденная вода сладка» [13]. Близкой к ним

по смыслу является и поговорка *The apples on the other side of the wall are the sweetest* – «яблоки по ту сторону забора всегда слаще» [10]. Образ яблока, сладкого вкуса, нарушение запретов и предупреждения о последствиях этого нарушения связаны с библейским преданием о сладком запретном плоде, который имеет репрезентативное значение для анализируемой концептосферы.

Итак, ключевым репрезентативным фактором кондитерских изделий является сладость, что выражается соответствующей лексемой *sweet – сладкий*. В диктеме *the nearer the bone, the sweeter the flesh* [1]; *the nearer the bone, the sweeter the meat* [13] – «ближе к кости – слаще мясо» мы находим пример вариативности. В английском варианте различными являются подлежащие: *flesh – meat*. Первая лексема, в частности, предполагает отношение к человеческому телу. Поэтому выражение *the nearer the bone, the sweeter the flesh* [1] приобретает эротический подтекст, обычно относится к женскому телу. Прилагательное *sweet* ассоциируется с выражением «сладкая женщина», «пышка», и «близость к кости» предполагает объятия. А во втором варианте слово *meat* имеет отношение к еде, к мясу животного и вызывает ассоциацию с гастрономическим термином «сахарная кость».

Разновидностью вариативности являются синонимичные поговорки, которые можно выделить в особую группу. К ним относятся: *Your neighbor's apples are the sweetest* [1]; *Apples on the other side of wall are sweetest* [10] – «хороша рыба на чужом блюде»; *honey is sweet but the bee stings; no sweet without some bitter* [9] – «нет розы без шипов».

Синонимичность в приведённых диктемах раскрывает семантическую и разную широту концептосферы.

Следует отметить, что лексема «сладкий» устойчиво связана с антонимом «горький». *Sweet* – *сладкий* противопоставляется *bitter* – *горькому*. *Bitter must come before the sweet* – «без горести нет радости» [1]; *every sweet has its bitter* – «нет сладкого без горького» [1]; *no sweet without some bitter* – «не вкусив горького, не видать и сладкого» [1]; *who has never tasted bitter, knows not what is sweet* – «не вкусив горького, не узнаешь и сладкого» [9]; *what is in the mouth is bitter in the stomach* – «сладко в рот, да горько в глот» [1]. В паре «сладкий – горький» мы видим диаметрально противоположный взгляд на жизнь.

Антонимичные пословицы *bitter must come before the sweet* – «без горести нет радости» [1]; *every sweet has its bitter* – «нет сладкого без горького» [1] показывают нам отношение к жизни: так, на жизнь можно смотреть позитивно – *без горести нет сладости* — и негативно: *нет сладкого без горького*. Как видим, этимология слова «горесть» восходит к вкусовому ощущению и таким образом тоже попадает в концептосферу «кондитерские изделия». Вкусовой атрибут приобретает метафорическое значение. В русском языке существует выражение «горький пьяница», обозначающее человека, который пьёт с горя, то есть сложное нравственно-психологическое и социальное понятие «горя» получает «вкусовую» коннотацию.

То же самое касается и эпитета «кислый»: *sweet* (*сладкий*) – *sour* (*кислый*). Он получает антонимическое значение к прилагательному «сладкий»: *one man's sweet is another man's sour* – «что

одному человеку сладко, то другому кисло» [1]. В русской культуре это выражение приобретает социокультурный аспект и радикальную форму: *что русскому хорошо, то немцу смерть*. Пословица *sweet to the sweet and sour to the sour* – «сладкое к сладкому, кислое к кислому» [1] – передаёт идею соответствия. В русском варианте эта идея приобретает социальную окрашенность. Этому соответствуют русские выражения «по Сеньке и шапка», «не в свои сани не садись», «со свиным рылом в калашный ряд», «каков есть, такова и честь».

Противопоставление вкусов передаёт идею относительности, изменчивости судьбы: *sweet meat will have sour sauce* – «за хорошим всегда следует дурное» [1]; *sweet's the wine but sour's the payment* – «пьяный скачет, а проспался – плачет» [1].

Разнообразные контекстные значения приобретает слово «сахар». Той же репрезентативной функцией обладает и лексема «мёд». Мёд – сладкое вещество, вырабатываемое пчёлами, и, конечно, в данной трактовке оно не относится к концептосфере «кондитерские изделия». Однако мёд входит в состав многих кондитерских изделий и наряду с вареньем, джемом, конфитюром и повидлом воспринимается как лакомство, что позволяет нам включить его в анализируемую область языка. Лексемы «мёд» и «сахар» формируют богатейшую область семантики.

Рассмотрим ряд выражений: *Teaspoon of sugar will catch more flies than a gallon of vinegar* [13]; *Honey catches more flies than vinegar* [13] – «Мёдом больше мух наловишь, чем уксусом». В первом случае подлежащее «чайная ложка сахара» эквивалентна подлежащему

«мёд». При общем значении *сладкого*, очевидно, что мёд обладает большей ароматической привлекательностью, чем нейтральный сахар. В первой пословице акцент ставится на объёме продукта, а во втором случае – на контрасте между сладким и кислым, между разными продуктами – кондитерским и гастрономическим.

Данные «аппетитные» лексемы входят и в состав пословиц с отрицательной коннотацией. Подобная отрицательная оценка по преимуществу ориентирована своим содержанием на нравственные качества и характер человека. Ощущение сладкого становится средством усиления отрицательных характеристик, определяет контекстуальную антонимию: *A honey tongue, a heart of gall* – «медовый язык, а сердце из желчи» [9] (в данном случае возникает оппозиция «сладкое – горькое»); *He has honey in his mouth and razor at his girdle* – «на языке мёд, а за поясом бритва» [1] (любопытно, что лексема «бритва» вызывает вкусовую аллюзию в связи с метафорическим определением «острый»). Оппозицию «горький – сладкий» мы встречаем и в других фразеологизмах: *sweet as honey, bitter as gall* – «сладкий как мёд, горький как желчь» [1]. «Вкусовая» образность эпитетов «горький – сладкий» подчёркивается таким выразительным оксюмороном, как «горький мёд». Вспомним евангельское повествование о подвижничестве пророка Иоанна Крестителя, пищей которого были акриды и дикий мёд (Мф 3: 4) [2]. Очевидно, что аскет не наслаждается мёдом, а просто ест. Эпитет «дикий» подчёркивает «грубость», «горьковатость» этой пищи.

Обратим внимание на выражение, в котором присутствуют две анализи-

руемые лексемы — *honey* (мёд) и *sugar* (сахар). В этих словах контекстуально присутствует понятие меры. Являясь словами с положительным значением, *мёд* и *сахар* в переизбытке могут вызывать отрицательные эмоции. Чрезмерное употребление сладкого воспринимается как нарушение пропорций, что формирует иронический подтекст. Выражение *all sugar and honey* – «весь из сахара и мёда» [12] употребляется, когда речь идёт о слащавом, неискреннем человеке. Вспомним известную характеристику помещика Манилова в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души». О герое говорится: «Выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно» [5]. В данном предложении употребляется слово «приторный», что также характеризует чрезмерно *слащавого*, демонстративно любезного человека. В отличие от «сладкого», «приторность» вызывает неприятные вкусовые ощущения, тем самым удовольствие от употребления кондитерских изделий портится. Ряд пословиц с лексемами «сахар» и «мёд» подчёркивает важность соблюдения чувства меры. Показательно, что искусствоведческое понятие художественного «вкуса» приобретает гастрономический, кондитерский смысл. Вспомним известное определение литературного «вкуса» знатоком французской кухни Пушкиным как «чувства соразмерности и сообразности». Поэтому логичными представляются следующие многозначные образные выражения: *Even sugar itself may spoil a good dish* – «даже сахар может испортить хорошее блюдо» [12]; *Lick honey with your little finger*, что буквально переводится как

«надо пробовать мёд мизинцем» [1]. В русском эквиваленте последняя поговорка переводится более широко – «хорошего понемножку». *Eat your honey but stop when you are full* [1] – буквально данное выражение звучит так: «ешь свой мёд, но остановись, когда наелся». Это призыв соблюдать меру. В русском языке эквивалентное выражение содержит колоритную рифму «мёд – рот»: «сладок мёд, да не по пуду в рот». Неумеренность русского человека приобретает форму гиперболы. Напомним, что *пуд* – это 16 килограмм. Стремление к удовольствиям предполагает преодоление препятствий, необходимость усилий. Эту мысль выражают нравоучительные диктемы: *Honey is sweet but the bee sting* – «сладок медок, да пчёлы жалят» [9]; *If you want to gather honey, you must bear the stings of bees* – «есть мёд – лезь в улей» [1].

Пирог или «праздничный хлеб» в силу рецептуры входит в концептосферу «кондитерские изделия». Лексема «хлеб» характеризуется положительной символикой и широким ассоциативным диапазоном. Это слово входит в состав большого числа пословиц, определяющих и конкретизирующих его социокультурное содержание. Пословицы, включающие в свой состав лексему «хлеб», передают своеобразие английского менталитета, историю формирования Британской цивилизации.

Одним из многочисленных парадоксов английской жизни является тот факт, что неприятие иностранного и чувство собственного превосходства в характере англичан сочетается с повышенным интересом к внешнему миру и любовью к путешествиям [8, с. 18]. Служба в далёких станах всегда была

почётной обязанностью англичанина. Это стало своеобразным испытанием на прочность, мужественность, на верность долгу. На человека, вернувшегося из колоний, смотрели с уважением, его заведомо считали человеком чести, храбрым и порядочным [8, с. 23]. Такое патриотическое мышление мы видим в пословице *better is a slice of bread and garlic at one's own table than a thousand dishes eaten under another roof* [1]. В русском варианте образ хлеба усиливается. В пословице речь идёт не просто о «хлебе с чесноком», а о чёрством хлебе, сухарях: «свои сухари лучше чужих пирогов».

Слово «хлеб» как контекстуальный репрезентант концептосферы становится источником метафористики и аллегорий. Важную роль играет противопоставление своего и чужого, дома и чужих стран: *I had rather ask of my fire brown bread than borrow of my neighbor white* – «Свои сухари лучше чужих пирогов» [1]; *Another's bread costs dear* – «Чужой хлеб рот дерёт» [1].

Лексема «хлеб» ассоциируется с удачей и с финансовым положением, а также с деньгами. Для символики богатства используются другие ингредиенты, например, сыр: *cheese and bread make the cheeks red* – «сыр да хлеб румянят щёки» [9]. Яркий образ удачи раскрывается через выражение *his bread is buttered on both sides* – «у него хлеб с двух сторон намазан» [12]. Тот же образ хлеба и масла используется для обозначения неудачи: *bread always falls on the buttered side* – «бутерброд всегда падает маслом вниз» [1]. Данная пословица придаёт отрицательную коннотацию образу хлеба. Согласно этому дидактическому выражению, всё, что происходит, случается не в нужный

момент, не так, как задумывалось, а значительно хуже. В русском языке закрепилось выражение, связанное с образом хлеба, намазанного маслом. Однако в английском варианте существует эквивалент, в котором образ хлеба заменяется на образ кекса: *Cake never falls but on its buttered side* – «кекс всегда падает на намазанную маслом сторону» [12]. Возможно, это связано с тем, что в Англии во время традиционного чаепития подаётся кекс, который обычно намазывается маслом или вареньем. Можно отметить, что в английской концептосфере закрепляется лексика, связанная с получением кондитерского удовольствия, в то время как в русской – речь чаще идёт о простом насыщении, об утолении голода.

Пословицы затрагивают все сферы жизни, и праздники – не исключение. Англичане не представляют себе празднование Рождества без традиционного рождественского пудинга. В Англии рождественский пудинг – *plum pudding* (сливовый пудинг) [12] – готовится в каждой семье с XV века. Но внесём рецептурные уточнения. В данном контексте речь идёт не о традиционном пудинге, представляющем из себя желе, а о пироге. В любой семье, независимо от достатка и происхождения, это блюдо готовила хозяйка дома. Однако мы можем предположить, что рецептура и составляющие данного десерта были отличными в домах разного достатка. Отсюда возникла поговорка *make your pudding according to your plum* [1] – «делай свой пудинг в соответствии со своими сливами», или, в русском эквиваленте, «по одежке протягивай ножки». Заметим, что в холодном климате России социальные различия особенно остро ощущались в

концептосфере «одежда». Для страны с умеренным климатом и относительно благополучным социальным положением на первый план выдвинулась кондитерская деталь. Данная поговорка учит тому, что человек должен расходовать столько ресурсов, сколькими он обладает. Ещё одна рождественская поговорка – *The devil makes his Christmas pies of lawyers' tongues and clerks' fingers* – «дьявол делает рождественские пироги из языков адвокатов и пальцев чиновников» [13]. Пословица содержит явный иронический подтекст. Получается, что дьявол также празднует Рождество, но его праздничный пирог имеет «оригинальную рецептуру». Показательно, что важность символического кондитерского изделия признаёт даже дьявол.

Итак, мы проанализировали пословицы, в состав которых входит лексика, связанная с концептосферой «кондитерские изделия». Данные пословицы обладают и положительной, и отрицательной коннотацией. Устойчивые выражения английского и русского языков, включающие репрезентанты анализируемой концептосферы обладают большой полисемией, которая составляет её периферию. Семантическое богатство лексем определяет их аллегорическое употребление, становится источником выразительной метафористики. Отметим, что в английской культуре большее внимание уделяется именно кондитерским изделиям, в то время как русские эквиваленты сосредоточены на еде как таковой; в этом выражается влияние социокультурного фактора формирования и развития концепта, лексически фиксируемого в пословицах и поговорках.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. URL: http://proverbs_ru_en.academic.ru/ (дата обращения: 26.04.2014).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. Издание Московской Патриархии. М., 1990. 1372 с.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. №4. С. 27–45.
4. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI в. М.: Прометей; МПГУ, 2007. № 1. С. 101–105.
5. Гоголь Н.В. Мёртвые души [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/gogol/dushi.txt&page=4> (дата обращения: 27.04.2014).
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Павловская А.В. Англия и англичане. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. 270 с.
9. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений / Н.А. Адамия. 2-е изд., испр. М.: Наука; Флинта, 2006. 344 с.
10. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей / М.В. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская и др. М.: Рус. яз., 1985. 232 с.
11. Юдина И.Ю. Метафора в английской пословице: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2012. 148 с.
12. Abbyu Lingvo (Электронный словарь). ABBYY Lingvo 12 European (LHRP1200009024613205). Выпуск: 12.0.0.422. Артикул: 5124 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 25.04.2014).
13. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / Edited by John Simpson and Jennifer Speake. – Over 1,000 entries. Third Edition. Oxford University Press, 1998. 364 p.